

ОГЛАВЛЕНИЕ

I. «Тень на воде».....	9
II. Движущийся мир.....	97
III. В волшебном краю	299
Эпилог	395
От автора	397

«ТЕНЬ НА ВОДЕ» I

Улица темна и безмолвна.

Непривычно находиться в такой час под открытым небом.

Четыре утра, город пуст. Это время кошек, летучих мышей и беглецов... Да, мое время.

Я — беглянка. Взяла и сбежала из дома.

Наверное, я с ума сошла.

Или отчаялась.

Мне кажется, и то и другое.

Покинуть родной дом, оставить свою комнату, постель, теплое одеяло — зачем вообще?

Затем, чтобы проучить родителей. Они меня не понимают. Всякий раз, когда я пытаюсь что-то им сказать, у меня появляется ощущение, что я со стеной разговариваю. Даже с двумя. Бетонной и кирпичной. Сколько бы я ни царапалась, как бы громко по ним ни стучала, все без толку. Победу всегда одерживают стены.

Вот я и пустилась в бега.

Решения вроде бы принимают на свежую голову.

Но только не я.

Внутри меня словно буря.

Я шагаю, сжимая лямки рюкзака. Это мой акт неповиновения. Мне скоро пятнадцать, давно пора принимать решения, пускай даже безрассудные. Знаю, я противоречу сама себе. Но я подросток и имею право быть противоречивой. Когда, если не сейчас?

Я люблю родителей, но они мне не нравятся.

Обожаю свою жизнь и ненавижу ее.

Я будто сломалась. Чувствую, внутри что-то барахлит. Это угнетает, меня мучают кошмары. Сны мерзкие, липкие, я вязну в темноте и задыхаюсь. Просыпаюсь, но продолжаю задыхаться, а утром ощущаю себя зомби.

Не хочется быть живой мертвячкой, вот и шагаю куда глаза глядят.

В четыре утра.

Не разбирая пути.

Просто чтобы свалить куда подальше. И перестать быть дочерью своих родителей. Или чтобы стать ею еще больше? Стать той, кого им недостает, той, за кого они начали бы переживать.

Я в себе запуталась.

И все из-за них. Из-за папы и мамы. Они — фундамент моей вселенной.

Похоже, что цель существования родителей — придумывать для меня все новые запреты. Никаких занятий, помимо школьных, чтобы домой возвращалась до наступления комендантского часа, к друзьям ни ногой. Пойти куда-то с одноклассниками? Думать забудь! Мобильник? Только без интернета.

Да они помешались на тотальном контроле: вегетарианская диета, строгая одежда, отдельный сбор

мусора и переработка отходов, отказ от пищевых добавок.

11

Просто ад.

Чем дальше я ухожу от нашего квартала, тем легче становится на душе. Будто гору с плеч сбросила. Если так пойдет, я вообще взлечу.

Я похожа на птицу, впервые отведавшую воли. До сих пор не верю, что теперь могу поступать так, как мне хочется. Идти, куда хочу. А, кстати, я куда иду? Вот это я и не продумала.

Поэтому просто шагаю, голова пухнет от мыслей, тело напряжено, но при этом оно легкое, как пушинка. Я пересекаю вертикальный город¹, погруженный в безмолвие. В этот час спят даже самые отъявленные злодеи. Город словно парит во времени.

Нереальное ощущение!

Иногда сон наяву нарушает проезжающая мимо машина. Фары пронзают ночь, шум мотора набегает, как волна, потом все снова смолкает. Меня никто не замечает. Да и что можно разглядеть в такую темень? Фигурку непонятного пола, коротко стриженные волосы? Джинсы, куртку из искусственной кожи, лицо, спрятанное под козырьком бейсболки?

Дома сменяются пустырями. Я не сбавляю шаг. Вокруг валяются старые покрышки, громоздятся каркасы

¹ Так называют города, в которых много небоскребов или же сам небоскреб. (Прим. ред.)

машин, из клочковатой травы торчат полиэтиленовые пакеты. Все это растворяется в неподвижном тумане. Некоторые фонари жутко ржавые, но все еще светят. Впрочем, из них на щербатый асфальт проливается не столько свет, сколько лужицы желтой рвоты.

Я продвигаюсь по незнакомой дороге, смотрю, куда ступать. Не хватает еще споткнуться о чей-нибудь труп! Или набрести на полицейскую машину. Не хотелось бы, чтобы бегство оборвалось, едва начавшись.

Внезапно я замираю как вкопанная. Впереди препятствие.

Шум воды.

Так, река. Путь преграждает темная лента, над ней туман еще гуще.

Вокруг разбросаны мертвые постройки: полуразвалившиеся склады, брошенные ангары, остатки причалов. Стены с разбитыми окнами — что лица с огромными глазищами.

Где-то тут, возможно, мне удалось бы скоротать ночь, но для этого надо рискнуть и сунуться под одну из дырявых крыш. Нет уж, не в таких потемках. Не хватало еще сломать ногу в утробе выпотрошенного домашнего чудища. Проще дождаться рассвета, осторожно разведать, что к чему, и найти сносное убежище.

Я пыхчусь, довольная, что приняла хоть какое-то решение в своей жизни. У кирпичной стены, у самой воды, лежит длинное бревно. Вернее сказать, целое дерево. Наверное, его вытащили из реки, потому что крупные плавающие предметы — помеха для речного судостроения. Толстым деревьям дают высохнуть, потом их пилят и пускают на дрова. На этом бревне не осталось

коры, древесина размокла. Я удобно устраиваюсь у самой кроны. Остается ждать: сидеть и болтать ногами.

Как же хорошо, когда не надо думать. Я — легкая бесплотная оболочка.

Через несколько часов родители проснутся, соберутся завтракать — и хватятся меня. Ох и запаникуют же они! Я заранее ликую.

Я уже засыпаю, но тут раздается оглушительный гудок, от неожиданности я чуть не падаю со своего трона.

На берегу, совсем близко, вырастает смуглый здоровяк с широченными плечами регбиста. На нем рабочий комбинезон, рукава тельняшки закатаны на бицепсах. Ему бросают канат, он ловит конец и, напрягая мышцы, тянет за него. Из серого тумана выплывает что-то громоздкое. Баржа, что ли? Читаю на корме название: «Тень на воде».

Я сжимаюсь в комок на своей коряге, приваливаюсь спиной к кирпичной стене, боюсь шелохнуться. Только бы не заметили!

Матрос уверенными движениями крепит канат к ближней швартовой тумбе, переходит к носу баржи и снова крепит канат. Потом он негромко присвистывает, и с баржи на берег перебрасывают мостик, по нему тяжелым шагом спускается второй матрос. Он переносит на сушу и разворачивает плакат, рядом ставит высокий фонарь. Матросы с заговорщицким видом жмут друг другу руки, потом не спеша достают из карманов тонкие узкие трубки и набивают их табаком. Грубые физиономии на миг освещаются красноватым светом,

до чего же на висельников похожи. Я горблюсь, только бы не заметили. Не хватало попасться на глаза этим громилам!

Давлюсь зловонным дымом, еще немного и точно закашляюсь. Ну и табак у них — серу, что ли, курят. Матросы застряли на причале, перебрасываются короткими фразами на непонятном языке. Может, это румынский или еще какой-нибудь восточноевропейский.

Наконец уходят, быстро направляются в сторону пустыря и исчезают в тумане.

Я выжидаю, стараясь не двигаться.

Кажется, угроза миновала.

Сердце бешено колотится, я сползаю с бревна и топлюсь к раскладной стойке, на которую матрос повесил плакат. Разноцветный фонарь освещает черную доску, на которой изящно, с завитушками выведено:

*Ищу мальчика-помощника
за кров и еду.
Обращаться напрямую к маме Эликсу
на эту баржу.*

Я готова прыгать от радости. То, что нужно! Какое невероятное везение! Не иначе здесь, на заплыванной пристани, сошлось все космическое равновесие, — как еще объяснить приплывший прямо мне в руки шанс?

В следующую секунду меня охватывает отрезвляющий страх.

Нет-нет-нет, это же безумие! Чтобы я ступила на борт незнакомой баржи и нанялась непонятно к кому? Да ни за что на свете! Это слишком опасно.